

ВЛАДИМИР БОГДАНОВ

БЕЛОКУРАЯ ИНДИАНКА

ТОМ 1

«ФЕНИКС ПЛЮС» СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б73

Владимир Богданов
Белокурая индианка
Этнографическая поэма

*Волосы её из белых вьющихся азалий
Распускались ниже нежных плеч.
А глаза блистали, как агаты
Из кристально чистых голубых огней.
Кожа щёк, что лепестки от розы,
Только взгляд, как лёд холодный.*

Читатель, если вы художник, и словесный образ можете превратить в живописный портрет, всмотритесь в лицо божественной особы, самой красивой русской царицы XVIII века Анны Леопольдовны, умершей в изгнании, сын её, император России, не увидел трон, убит в царствование Екатерины II.

Может быть, вы оживите это лицо, на неё похожа, как две капли воды Елена, дочь донского купца и индианки тлинкитки Луаны. Она родилась на Аляске. Ей было восемнадцать лет, когда она вступила впервые на Сибирскую землю. Она была царицей индейских племен. В годы открытия русскими мореходами Алеутских островов и Аляски, решила вернуться на Родину... Об этом и о других событиях вы прочитаете в романтической поэме.

ISBN 5-900616-08-8

© В. Богданов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Покорители китов

Алеут-охотник сел в байдару¹.
Плыл к киту с азартом,
По волнам накатным поднимаясь,
Бурных вод веслом касаясь.
Быстрым взмахом с содроганьем
Он в кита копье² вонзил
Под грудной плавник,

¹Байдара – весельная (иногда с парусом) лодка у алеутов; каркас байдары собирался из дерева и китового уса, его обтягивали выделанными шкурами. Шкуры, в свою очередь, переходили в непромокаемую горловину, сшитую из кишок; под мышками у гребца ее можно было туго завязать.

²Алеут, бросает гарпун, древко которого при ударе отделяется от аспидного носка или копья и остаётся на воде.

И мгновенно вновь отплыл,
Чтобы раненый гигант
Не убил хвостом случайно.

Кит носился в муках в море,
Умирал от страшной боли.
Через день он ослабел,
Отнесла волна его на берег.
Алеуты, празднуя победу,
Танцевали, песни пели.
Из проколотых ноздрей
Свешивались вниз клыки тюленьи.
У шамана, что просил о милости,
Палка с перьями дымилась.

Кинулся охотник с диким криком,
Вглядываясь в океан.

Там в тумане появился призрак
Дуновением вселенного желания³ ...
Бригантина капитана Грина
Разворачивала к ветру паруса.
Но несчастным северным туземцам
Показалось, что плывёт земля,
Чтоб засыпать их лачуги бременем,
Отомстить за смерть кита.

Капитан смотрел в трубу подзорную
На чужие острова,
Изучая незнакомые места.
Чтобы судно не разбить о рифы
Из-за сильного прибоя,
Встал на якорь у залива,
Шлюпку в воду опустив.
Моряки легли на вёсла,
К белым скалам направляясь
В поисках удобной гавани.

Алеуты увидели лодку
И таинственных людей.
Про кита забыв от горя,
Побежали к ним навстречу
Не со зла, а ради любопытства
Чуду подивиться.
Загнанные страхом,
Не показывали лиц и спин.
Осторожно к камням прижимаясь,
Незаметно к берегу ползли.

Их одежда, сшитая из птичьих шкурок⁴,

³У алеутов была шаманская вера. Они признавали Творца вселенной и духов - добрых и злых, которых призывали на помощь. Считали, что высшее существо, действовало на мертвую материю дуновением.

⁴Птичьи парки, из кайр, топорков, ипатов.

Защищала от порывов ветра,
Выглядела некрасивой грубой.
Будто колдуны в звериной шерсти
Пальцами сжимали копыта и дубинки,
Чтоб ударить по пришельцам,
Что пришли сюда, как боги с неба,
Может быть, заметив дым в жилищах,
Пожелали выгнать в горы племя,
Не давая добывать им пищу.

А матросы, напрягая силы,
Сдерживали натиск волн.
Голоса свои не слышали
От галдящих птичьих стай.
Ружья кремневые у ног лежали.
Возле скал, чернея сводом,
Показался вдруг высокий грот.
В пену, в брызги разбиваясь,
Покатилась с яростью вода,
Ударяя с силою в борта.

Чтобы море лодку не тревожило,
Вытянули волоком,

Опрокинув кверху дном.
Спрятали под ней часть ружей, вёсла.
Двинулись вглубь берега,
Остров неизвестный рассмотреть.
Шли они, оглядываясь,
Чуть слышав шорох каждый,
Шелест трав, падение камней.
Тех, кто крались, не заметили совсем.

Словно тени по земле скользили
Вслед английским морякам.
На площадке мрачной
Руки невидимые схватили
Одного из них.
Он и крикнуть не успел товарищам,
Повязали травами,
Кляп засунув плотный в рот.
Отнесли в пещеру дальше,
Где сгушался тьмою грот.

Безуспешно моряки искали,
Освещая факелами
Каменные стены в жуткой тишине.
Лишь журчанье вод подземных
Отвечало им во мгле.
Может быть, неосторожно оступился,
Утонул внезапно в ледяной воде.
Что им делать, сели в лодку сникшие,
Чтобы повиниться с грустной вестью
Всем на корабле.

Алеуты вдаль смотрели долго,
Как пристала лодка к деревянному киту.
Вдруг огонь и дым возник из пушек
И ударил в небо гром.
Замертво попадали на землю,
Не решаясь глаз поднять.
А с небес лучилось солнце светом.

Бригантина поднимала якорь.
Паруса от ветра раздувались,
Точно пляшущие облака.

Успокоились немного алеуты.
Кит, бросающий огонь из пасти,
Уменьшался, превращаясь в муху,
А затем исчез из глаз.
Родовались воины — изгнали духов.
Пленного, подталкивая палками,
Привели к вождю и бросили к ногам.
Чинтаяч-охотник в грудь себя ударил,
Подскочил к лежавшему без чувств
И копье занес над ним с азартом.

Ждал, что скажет вождь.
Убивать чужого человека,
Что приплыл сюда из вод холодных,
Там, где часто возникает шторм
И несёт на берег смерть.
Вождь смотрел на чужеземца,
Он в глазах его заметил удивление.
Усмехнулся вождь невольно,
Приказал сорвать верёвки,
Накормить несчастного едой.

Воины беззлобно улыбнулись.
Значит, пленник будет жить.
Люди становились в тесный круг.
Молодая алеутка Угла
Принесла лукошко с рыбой.
А старуха Ота поклонилась низко,
Воду вылила в корыто,
Положила мясо с жиром.
Чинтаяч, вертел в ладонях огниво,
Разжигая мох сухой.

Иноверцы в деревянных шляпах,
Приукрашенных орнаментом,
Корольками и сивучьими усами,
Принесли черел–рогожу
Из травы сплетённую,
Постелили на песок.
Пусть на этом месте калг⁵ живёт.
Рядом чучело поставили – игадагах,

⁵Калг, раб.

Парку⁶ на него накинули для страха
С перьями морского попугая.

Подходили к пленнику,
Прикасались пальцами к одежде.
Изумлялись, цокая от впечатлений,
Что-то обсуждали меж собой.
Речь звучала тихо и протяжно,
Ясно выделялись все слова.
А в огне накаливались камни,
Их горячими бросали в воду,
Чтоб в корыте мясо сваривалось
От крутого кипятка.

На высоком месте побережья,
Где река сужалась в стрежень⁷,
Вздыбились полуземлянки,
Зимней островной стоянкой,
Выложенные из плавника и корня,
Сверху крытые травой и дёрном.
Чтобы прокормиться летом,
Алеуты добывали птиц на петли.
Поклонялись Алеукста-Агудаху⁸,
Раскрутив, бросали боло⁹ взмахом.

Женщины плели циновки и корзины,
Делали обтяжку для байдар.
Иглами из птичьих косточек нитиной¹⁰

⁶Парка, верхняя зимняя одежда, сшитая мехом наружу.

⁷Стрежень, линия наибольших поверхностных скоростей течения реки. На прямых участках располагается обычно близ середины водотока, на излучинах — ближе к вогнутому берегу.

⁸Алеукста-Агудах, дух алеутов, который сотворил небо, море и землю и человека.

⁹Боло, метательный снаряд из связки ремней с каменными или костяными грузиками на концах. Бросали в стаю. Птица, запутавшись на ремнях, становилась добычей охотника.

Вышивали бахромю на парках.
 Духи предков в личных амулетах
 Почитались свято в камне.
 Шкурки с красочным орнаментом
 Сохранялись по наследству.
 В деревянных масках
 Вызывали зверя при обрядных плясках.

Развлекаясь с колдовскою хитростью,
 Пели песни под аккорды цитры¹¹.
 В богатырских сказках,
 В поговорках и загадках чудных
 Древние предания рассказывали,
 Что бессмертны раньше были люди,
 Появились на земле случайно
 От собаки, что упала с неба.
 Прославляя героические тайны,

¹⁰Нитина, отрезанная нитка

¹¹Цитра, струнный щипковый мечевидный музыкальный инструмент. Струны (в некоторых разновидностях до 40) натягиваются над грифом и вне грифа над декой.

Посыпали лица пеплом.

За горой скрывались улягамы¹².
 От врагов на ночь спускаясь
 Верхним люком в хижины,
 Жило племя родовой общиной,
 Согреваясь в пламени огня.
 Утром поднимаясь по ступенькам,
 Вырубленных на бревне,
 Уходили на охоту воины отважные...
 Пахло вкусно дымом ароматным
 Англичанин всматривался вдаль.

В синеве на безграничном горизонте
 Лишь от волн сверкали гребешки,
 Да бурун¹³ летел стрелой на отмель,
 Затихая отплеском в пути.
 Скрылся с глаз давно корабль.
 Как прожить в неведомой земле?
 Год назад, отплыв из порта Данди¹⁴,
 Он покинул старенькую мать,
 А она безудержно рыдала
 И рукой держалась за узду коней.

До сих пор он помнит взгляд молящий
 И ее фигурку, сломленную пополам.
 От тоски и грусти расставанья
 Он не знал, что ей сказать.
 Про отца его погибшего в далекой Индии,
 В княжестве Майсуре¹⁵ вспоминала.

¹²Улягамы, большие полуземлянки алеутов, вмещали от 10 до 40 семей. Внутри вдоль стен сооружались нары. Каждая семья жила на своей части нар, отделенных друг от друга столбами и занавесками.

¹³Бурун. Пенная волна, разбивающаяся у скал, каменистых мелей.

¹⁴Данди, порт в Шотландии в зал. Форт-оф-Тей Северного м.

Всё пыталась сына не пустить:
“Милый мой, Алёша, свет единственный,
Сердце матери не выдержит печаль.
Я прошу, не покидай меня.

Твой отец мне полюбился в Новгороде.
С ним отправилась, забыв про Родину.
Батюшку и матушку, и землю Русскую
Я решилась обменять на пылкую любовь.
В ночь, когда бежала, филин ухал,
Над затворами оконными кричал,
Предвещая в будущем несчастья
И невзгоды беглецам.
Твой отец на королевском флоте
На корвете¹⁶ был отважным моряком.

Я крестьянкой гордой.
Что я знала девушка безвестного села?
Часто я смотрела из окошка горницы
На зеленые березки и луга.
Я гадать любила вечером на Святки¹⁷.
Собиралась молодежь.
Кольца, перстни и сережки
Клали в блюдо вместе с хлебом.

¹⁵Майсур, историческая область в Юж. Индии. В 18 в. при Хайдар Али и его сыне Типу Султана княжество Майсур — сильнейшее в Юж. Индии, основной очаг антиколониальной борьбы. В результате 4 англо-майсурских войн территория княжества была сильно урезана, и оно стало английским вассалом.

¹⁶Корвет. В парусном военном флоте 17-19 вв. легкий корабль, предназначавшийся для разведки и выполнения вспомогательных задач.

¹⁷Святки, 12 дней с 25 декабря (7 января) — Рождества Христова — по 6 (19) января — Крещение. По народной традиции святки сопровождались гаданием, пением, переодеванием и плясками.

Накрывали чистым полотенцем.
Дружно пели песни хлебосольные.

И от тайны взор отворотя,
Каждый брал, что находили пальцы.
Мне последней выпало кольцо.
Я сама его сняла рукою правой.
В блюдо положила, мыслей не таясь.
Засмеялись весело подружки.
На полу кольцо катилось кругом,
Словно глаз дурной заколдовал.

А в окно влетел вдруг голубь,
Крыльями ударил в серебро.

То кольцо мгновенно завертелось,
Зазвенело, пало у дверей.
Свадьбе быть и очень близкой!
Только кто мой суженый, скажи?!
На неделе вербной снег на горках таял.
Я на ярмарку приехала и радостной была.
Солнышко играло ярким светом.
Тонкий лед хрустел на берегу.

Мы в четверг великий¹⁸ песни пели,
Возле речки кликали весну.

На базаре продавали сладости.
Я с подружками ходила по рядам.
Неожиданно столкнулась с молодцем
С добрым и приветливым лицом,
С чужестранцем из далеких стран.
Он, не зная слов народных,
Извинился жестами и шляпу снял.
Синие глаза сияли счастьем.
Он игрушку детскую в руках держал,
Протянул мне куклу и сказал.

Речь его была красивой и певучей.
Слов, конечно, я не поняла.
Мне понравился тот робкий юноша.
Я подарок от него взяла.
Мы порой встречались в городе.
Улыбались в играх переглядах.
Наши встречи были мимолётны.
В ночь Купалы¹⁹ изменилось всё.
На лугу костры горели ярко.
Девки прыгали через огонь.

¹⁸Великий четверг, считается великим днем обновления на предстоящий год всего крестьянского хозяйства. Четвертый день страстной недели.

¹⁹Купала. Народный праздник летнего солнцестояния — Ивана Купалы (в ночь на 24 июня ст. ст., когда церковью празднуется рождество Иоанна Крестителя). Сопровождался собиранием целебных трав, цветов, обрядами с огнем и водой, песнями, играми, хороводами и гаданиями.

Я, держась за руку юноши в сорочке
С подпоясанным тугим шнурком
И с венком цветущих трав,
Что глаза его скрывали,
Разбежалась, не боялась пламени.
Наши руки не разжались от прыжка.
Сердце вдруг сильнее застучало.
Я узнала, кто со мной стоял,
Это он мой храбрый иностранец,
Принц моих девичьих грёз.

Мы вглубь леса убежали.
Там, где льются ручейки,
По воде венки спускали,
Чтобыплыли по теченью вниз.
Так соединились наши жизни,
Словно берега одной реки,
Если воды все слезами выплакать
От щемящей горести в груди.
Сын мой, ясный – Солнце дивное,
Сладкая сметанка, молоко со сливками,

Ты один слова родные понимаешь.

Не забыл, как в детстве повторяла я.
Тяжело жить в мрачной Англии,
Родина твоя – российская земля.
Что теперь мне остается:
На чужбине мучиться и ждать,
Весточку вымаливать у Бога,
Чтоб позволил мне тебя расцеловать.
Облик твой бессонными ночами,
Буду я, рыдая, представлять.

Я к одежде малолетней,
Из которой вырос ты,
Стану прикасаться с нежным трепетом,
Истомившись от мечты,
Что вёрнешься вдруг из дальних странствий,
Невредимым, как всегда.
Мать твоя увидеть хочет день чудесный,
Кто же станет суженой твоей
И моей любимой невесткой?
Береги себя от всевозможных бед”...

Голос матери, казалось, слился с ветром.
А на край земли пришла зима.
Алеуты не боялись снега.
Верили, что волны крепко спят.
Звёзды не разбудят море ярким блеском.
Жёлтая холодная луна
Не растопит ледяную шкуру океана,
Так как ночью кружит, как сова.
У неё самой живот худеет,
Точно днями ничего не ест.

И её охотники жалеют,
Оставляя ей добычу возле скал.
Там живёт пришелец с кожей белой.
Невзлюбил его шаман,
Лишь за то, что дом принёс из леса.
Вместо челюстей и рёбер зверя

Он поднял деревья к небу
В виде толстых плотных стен.
Топит камни, дым скрывая,
Словно прячет от людей очаг.

Чинтаячь входил с опаской
В этот чуждый непонятный дом.
Разве может лес от зверя спрятать,
И куда девается мороз?
Кит, который в море плавал,
Своей кровью сохранял тепло.
Хижины должны быть лёгкие,
Чтоб услышать можно крик врагов.
Здесь глаза и уши ничего не знают
И накатывается к горлу страх.

Может быть, кругом кишат индейцы,
От огня горят дома.
А его пришелец успокаивал,
Говорил довольно странные слова:
“Ты не бойся, помнишь, как в пещере,
Вы, внезапно оглушив меня,
Затаились точно черти.
Рядом с вами встала тишина,
Так и здесь мне помогают стены.
По ночам спокойно можно спать.

Часовые от врагов спасают,
Их и надо ставить на дозор.
Там, где я живу с высокой башни
Далеко осматривают лог и фьорд²⁰.
Здесь на острове везде опасность.
Только что вам враждовать,
Если можно жить торговлей
И рабов не убивать.

²⁰Фьорд, мелководный залив с невысокими, но крутыми скалистыми берегами.

Хорошо, когда соседи мирные,
Нет сомнений в мыслях.

Много в мире разного богатства.
Вас не грызла жажда алчности.
Смелостью, отваживая страх,
Не держали золота в руках.
Скверно дротиком²¹ проткнуть лосося
Ради огненной икры,
Или матку котика клыками сбросить,
Как секач озлобленный со скал,

Либо кайру²², закидав камнями острыми,
Гнёзда птичьи грабить с высоты.

Вы с природой слиты воедино
Телом крепким и душой.
Может быть в вас больше жизни
И бесценной красоты,
Нежели в песцах, что с пышным мехом
Под ногами бегают порой”.
Улыбнулся Чинтаяч, но не спешил с ответом.

²¹Дротик, короткое метательное копьё с каменным, костяным, металлическим наконечником.

²²Кайра, род птиц семейства чистиковых. Длина 40-48 см. 2 вида, гнездятся на северных побережьях Евразии и Сев. Америки.

Он сидел на корточках и грелся
Возле весело поющей печки.
Слушал завывание в трубе.

Он мечтал, когда вернется лето,
Угла станет верною женой.
Дочь вождя седого Тукку
Величава и горда,
Точно белая лебедка,
Что по озеру плывёт.
Он подарит ей калана²³
И лабретки²⁴ из костей.
Пусть украсит губы нежные
Он же рядом сядет с ней.

Вождь сказал: “Кто победит в охоте,
Тот получит дочь мою”.
Будет им не сын шамана Тугу,
Что ест мясо чаек, будто жадный волк.
Чинтаяч охотник для красивой Углы
С гор цветы достанет с ягодой морошкой.
Он пойдёт по перекатам по ручью,
Чтоб не мять рубиновый ковёр.
Там, где льются водопады шумные
Ртом коснётся белоснежных вод.

Пусть забьётся, словно птица сердце,
Если проколоть его стрелой.
Счастья и удачи не видать на свете
Без подруги дорогой.
Чинтаяч взглянул в глаза соседу:

²³Калан, морская выдра, млекопитающее семейства куньих. Длина тела до 1,5 м, хвоста до 40 см. Обитает в прибрежной зоне северной части Тихого ок. На суше неуклюж и беспомощен. Ценный пушной зверь.

²⁴Лабретки, украшения, вставляемые алеутами в отверстие в нижней губе.

“Ты, однако, мудрый воин,
Знаешь больше, чем шаман.
Отчего же лёд слезами плачет,
Тонет в море раннею весной,
Умирает с возвращением солнца?

Я от жалости к холодным льдинам
Часто их в пещеру уносил.
Там они от скуки превращались
В капли мокрые из рук текли.
Может, лета испугались,
Или море просыпается от сна,
Разбивает перламутровые раковины,
И на берег сбрасывает гнев,
На байдарах оставляет знаки,
Сердится на лежище моржей?

Я пойду, когда увижу солнце в сини,
Чтобы морю поклониться,
 Попрошу его проснуться поскорей”.
Не успел моряк ему ответить,
Чинтаяч, как тень исчез...

Проходили ночи долгие.
Много сжѣг Алѣша жировых свечей.
Раз услышал стук негромкий,
Это капали сосульки сверху.
Заалел восток пылающим костром.

Алеуты были в красочных нашивках.
Злой шаман ударил в бубен.
Тугу, сын его, охотник неуклюжий,
Очень толстый и ленивый,
Щуря глаз, склонился к луку.
Знал, отец не даст в обиду.
Все насмешки смолкнул вмиг,
Только взглянет взором хищным.
Тугу бил по льдинам белым,
Точно в тело спящей нерпы.

Надломились стрелы с треском.
Не хотело море просыпаться.
Даже ветер стих совсем.
Зря сопел стрелок несчастный,
Поражая свою цель.
Море, лишь слегка вздыхало,
Поднимая рокот из глубин.
Сдался Тугу, бросил лук на землю.
А шаман от гнева замолчал,
Рассердившись на сына-разиню.

Вдруг раздался круг людской,
Вышел Чинтаяч – охотник смелый.
Он вождю три раза поклонился в ноги,
И сказал: “Позволь, о мудрый Тукку,
Море с лаской попросить.
Разве можно так его печалить,
Словно враг перед тобой?
Сколько нас от смерти выручало.
Радовало чистым серебром,
В нерест рыбок мойвы”.

Вождь качнул в согласие головой.
 Чинтаячь пошёл по льдинам зыбким,
 Разговаривая сам с собой:
 “Море, видишь яркие лучи,
 Это солнце приготовило дары,
 Чтобы волны плавилась твои,
 Да играли в нашей бухте по утрам”.
 И услышал он в ответ урчанье.
 Море закачалось, задышало.
 Чинтаячь воскликнул: “Я весны дождался!”

Море забурлило,
 Поломало льдины на куски.
 Чинтаячь сквозь льдину провалился
 И рукой дрожащей зацепился
 За холодный скользкий край.
 А шаман ударил в бубен с силой:
 “Море забирает в жертву Чинтаяча,
 Чтобы племя жило сытно!”
 Пала на колени Угла и заплакала,
 Не желая с горечью смириться.

У охотников дрожали ноги.
 Разве можно им шамана упрекнуть.
 Если гибнет на глазах один из лучших,
 Значит, это хочет Бог.
 Только так не думал иностранец,
 Он ползком по льдинам полз,
 И протягивая руку Чинтаячу,
 Вытянул его из мёрзлых вод.
 Возвратившись мокрыми на берег,
 Ждали, что ответит вождь.

И ответил вождь: “Пришла пора купаться!”

Чинтаячь, пловец сивуч²⁵,
 Может стать героем праздника,
 Если примет юколу²⁶ с девичьих рук!”
 Засмеялось радостное племя,
 А шаман скрипел от злости жёлтыми зубами.
 Рассудил разумно вождь, вставая:
 “Чужеземца я винить не стану,
 Он рождён в стране потусторонней,
 Там не наши властвуют законы”.

С каждым днем все выше солнце поднималось.
 Первые цветы на скалах расцвели.
 Угла с радостью срывала,
 Прижимала нежно их к груди.
 Белые красивые дриады²⁷,
 Камнеломок розовые лепестки.

²⁵Сивуч – (северный морской лев), морское млекопитающее семейства ушастых тюленей.

²⁶Юкола – вяленная на солнце копченая рыба у народов Вост. Сибири и Сев. Америки.

²⁷Дриада, куропахья трава.

В небе с трепетом зависнет вдруг поморник²⁸,
Что-то с жалостью расскажет ей.
А вслед пуночка²⁹ зальется песней звонкой
И на сердце станет веселей.

Угла знала, что ночами светят звёзды.
Это в небе загораются костры,
Словно искры вспыхивает в воздухе
Тени от таинственных зверей и птиц.
Кружат ночью тихо над охотниками,
Внутрь влетают, если рот открыт,
Коли дышит человек свободно
И недвижно возле моря спит,
Превращаясь в сон желанный, добрый,
Если их ничем не рассердить.

По утрам они, вздыхая, улетают
По лучам в малиновый восход.
Издали всё время наблюдают,
Как живёт на острове народ.
Вялит пойманную рыбу
Или ест сырых морских ежей?
Как в жилищах с дыркой сверху
В небо рвётся сизый дым.
Там, внутри, качаясь в лёгких зыбках
Спят, посапывая, крошечные детки.

Видно, что-то страшное случилось,
Если лежбища зверей пусты,

²⁸Поморник, из семейства птиц отряда ржанкообразных. Длина 45-60 см. 4 вида. Большой поморник распространен биполярно, другие — в Арктике и Субарктике. Хорошо плавает. Гнездится обычно по берегам морей.

²⁹Пуночка, птица семейства овсянковых. Длина 15-19 см. Распространена кругополярно, гнездится в тундрах, на зиму отлетает к югу в степную зону.

Если остров стал сырой могилой,
Не стихают волны в эти дни.
Бьются злобно, оглушая рёвом,
Будто море бьют хвостом киты
И оно кричит от жуткой боли,
А не знает, как себя спасти.
Храбрые бакланы не ныряют в воду,
Тупики³⁰ голодные сидят у нор.

Из-за туч свинцовых солнце не выходит,
Может, в бездне растворилось,
И погасло от тоски невыносимой?
Что же воды, словно лёд холодные,
Не согрелись от его души?
Лишь гагары пролетают мимо.
На ближайшем побережье
На уступах скал откладывают яйца.

³⁰Тупики, род птиц семейства чистиковых. Длина 30-35 см. Передняя половина плоского и высокого клюва красного цвета. 2 вида, по северным побережьям Атлантического и Тихого ок. Гнездятся колониями.

Надсмехаясь, не скрывая тайны,
Все гогочут бессердечным смехом.

В бубен бьет шаман с усердием:
“К алеутам солнце не вернётся.
Море скоро остров наш зальёт,
Коли не утянет роковую жертву,
В ненасытный разъярённый рот.
Пусть умрет загадочный пришелец,
Наши беды волны унесут”.
Приподнял в сомнение руки Тукку:
“Если плохо пахнут котиковые шкуры,
Их проветривают на ветру.

А твои слова влетают в мои уши,
Точно стрелы с наконечником из зуба,
Мысли, освежая прямою и верой.
Я подумаю и вечером отвечу”.
Вождь ушел, шаман довольный
Вместе с сыном, обессилив с голоду,
Где на рифах разбивались волны мелкие,
Стал искать съедобные моллюски,
И крючком вытаскивать морских лягушек
Меж камней и тинной зелени.

Вдруг его схватили щупальца
Ядовитых рук большого осьминога,
Тело, обвивая леденящей ступкой,
Что сломались с кожей кости.
Закричал шаман, залившись кровью,
И исчез в пучине грозной.
Дикий сын сбежал от страха в горы.
Он сошёл от ужаса с ума.
Видели его не раз охотники,
Как гонялся за мышами по ночам.

Море, приняв жертву, усмирило шквал.
Жизнь вернулась в этот край.

Много было рыбы: окуня и палтуса.
А касатки развлекались, сгоряча
Нападали даже на китов усатых,
Словно кит был меньше воробья.
К алеутам гнали их добычу,
Котиков, пингвинов, неуклюжих выдр.
Гибельных несчастий стало меньше,
Их дельфин унёс в водоворот священный.

Время в радости не замечаешь,
Лишь когда течёт из родника рекой,
Со слезами горькими сливаясь.
Вождь, услышав, как волнуется прибой,
Перед смертью дочь свою позвал,
Объявил ей, чтоб охотник Чинтаячь
Стал ей мужем, а для всех вождём,
Что об этом он народу скажет,
Но глаза его закрылись раньше,
А душа с орлами улетела в океан.

Не поверили охотники, что вождь их умер.
Тукку спит, однако, крепко.

Тукку умирать не станет неразумно,
 Для него важнее люди, чем слепая смерть.
 В добрых чувствах, призывая к дружбе
 Нас любил, как ласковый отец.
 Новый вождь для племени не нужен,
 Будем думать так - решили все.
 Чтобы спящему не докучали свет и стуки,
 Отнесли в пещеру в темноту.

Вновь занялись прежними делами.
 Чинтаяч с Алёшей на байдарках
 Вышли в море утром ранним.
 Солнце разливалось золотистыми огнями
 На поверхности играющей волны.
 Молодой охотник добирался до каланов,
 Где охотился Реота старший,
 Был он братом матери.
 Много лет назад в снегу замёрший,
 Провалившись в пропасть с гор.

В пелене тумана остров показался.

Где-то там лежат каланы, отдыхают,
 Чужа человека, быстро уплывают,
 В море, в безопасные места.
 Чинтаяч не стал чинить бобрам вреда,
 Он с Алёшей, поворачивал в сторонку,
 Веселками грёб к лесистым склонам
 По воде притихшей, кроткой.
 Лишь когда байдары дна достигли,
 Спрыгнув в воду, взяли в руки лодки.

Груз надёжно спрятали,
 Завалив травой и ветками.
 Через лес дремучий продираясь,
 Шли к каланам против ветра,
 Чтобы выдры не почуяли заранее.
 Зрение каланов хуже обоняния.
 Но моряк не думал об охоте сладостной.
 Он оглядывал деревья взглядом,
 Их высокие и стройные стволы.
 Чинтаяча с робостью спросил:

“Я могу остаться здесь до осени,
 Чтоб срубить избу из сосен?”
 “Ищешь жизни беззаботной?!” –
 Изумился искренне охотник,
 На Алёшу посмотрел растерянно.
 “Дабы жить, пока построю шлюпку,
 К матери хочу вернуться,
 Поиграть ей на пастушьей дудке
 Или на свирели песню канареечную,
 Чтоб смеялась радостно при встрече.

В день веселый праздный
 Из квасного теста выпекла б пирог
 С заячьим или говяжьим мясом.
 Из крупитчатой муки
 Испекла бы калачи,
 А из гречки красные блины.

Принесла мне груши в патоке
Или сахар в леденцах
С белыми голубками для лакомства,
Да наливку из черники сладкую”.

Чинтаячь, взволнованный признанием друга,
Не решился расспросить о кушаньях.
Он сравнил на миг феерию,
Странную еду - с ухой из нерки,
Её ловят рыбаки в начале лета.
Познавая мир осознанным инстинктом,
Алеут вдруг вспомнил про рассказ Реота.
Как в лесу скала дымилась
И горела яростным огнём,
А оттуда доносились жалобные крики.

Злой шаман и вождь их мудрый Тукку,
Все сомненья бросив в огненную реку,
Наложив табу на происшедшее,
Наказали, чтоб никто не знал.
Дядя скрыл, что рассказал сестре.
Мальчик Чинтаячь проснулся на заре.
Он, как лист, под шкурою дрожал,
Сохранил все годы эту тайну.
Нет Реота, матери, шамана,
Тукку к морю не придёт случайно.

Чинтаячь волнуясь, что нарушит клятву,
Взяв за руку моряка,
Подошёл к воде зеркальной
Маленького ручейка.
Наклонился на коленях низко,
Всматриваясь в отражение свое.
Вдруг сказал: “В воде я вижу Чинтаяча,
Это тень моя, что рядом ходит,
На меня похожая и знает мои мысли,
С ней на белый свет родился.

Крепкий сон глаза мне закрывает.
Чинтаячь второй уходит на охоту,
Возвращаясь утром не голодным.
Мы всегда вдвоем шагаем.
С гор спускаемся в долину.
Коли солнце светит в спину,
Мой двойник быстрее бежит,
Коли солнце перед нами
Спутник мой плетётся сзади
И я знаю: он сердит.

Каждый раз к воде склоняясь,
Я приветствую его:
“ Чинтаячь, ты, выглядишь красавцем,
Точно хитрый морж,
Обманул болезни и капканы,
Злые беды перенёс.
Помнишь ли, от стрел индейцев загорелись
В круговой осаде стены?
Дом из леса с белыми прищельцами
Проглотил безжалостный огонь.

Все сгорело, превратилось в пепел,
А индейцы с острова ушли.
Это место не любил я с детства,
Близко не старался подойти.
Может быть, мне разрешишь, однако,
Поохотиться на зверя завтра,
Чтобы Угла стала мне женой.
Светом жизни, солнцем и луной,
Летом жарким, снежной тишиной.
Терпеливой наравне со мной”.

Англичанин удивленно слушал,
А охотник разговаривал с водой,
Наставлял на подвиг душу
Прозаичной трепетной мечтой,
Об открытой тайне промолчал.

Лишь забилося сердце от печали,
И желанье всё проверить
Стало больше и сильней.
“Я вернусь на этот остров суеверий
После дня охоты на зверей”...

Подплывали алеуты осторожно
На байдарах, вёсла опуская вниз.
Всплеск волны каланов не тревожил.
Окружали тихо и без суеты.
Ближе к ним от основного стада
Видно было, как детёныши играют с мамкой.
А она им лижет мордочки
И слегка постукивает мокрым кулачком,
Чтоб не грызлись до войны
Разыгравшиеся шалуны.

Круг охотников сомкнулся быстро.

Зверя взяли в плотное кольцо.
Засвистели стрелы, пролетая с силой,
Всаживаясь в мягкий мех.
Бедная каланиха металась с криком,
Вырывала стрелы с раненых детей.
На печальный зов спешил глава семейства,
Рассекая воду яростно и зло.
В голову самца уже стрела летела.
Храбрый Чинтаячь послал ее.

Согласились ратники – его добыча.
Чинтаячь охотник в битве победил.
Чтобы зверь не утонул в пучине,
В тело жертвы вновь стрела вонзилась
С прикрепленным пузырем,
Изготовленным с желудка нерпы...
Много было вечером веселья.
На игрушку – праздник съехались
Соплеменники с соседних жил³¹.
Все вошли в кажим – богатый дом.
Угла разносила в деревянных мисках

С сараной толкушу,
Шикшу с жиром.
Чинтаячь сидел у входа на полу.
Молча ели и не двигали ногами.
Наконец хозяин встал,
Ударяя в погремушки с топорковых клювов,
Первым начал пляс.
А другие били в бубны.
Пели песни, прославляя предков,
Вспоминали подвиги военные,

³¹ Жила, посёлок алеутов.

Да удачу на охоте.
Пили из корней квас.
Каждому дарили добрые подарки.
Парки, легкие камлейки³², бисер.
А каланья шкура над огнём сушилась.
Дым костра кружился струйкой тонкой,
И срывая огненные искры,
Улетал куда-то вверх.
Лица оживлённые, румяно-белые.
Волосы, глаза черны, как ночь.

Чинтаяч не стал задерживать Алёшу,
Племя выбрало его вождем.
И с согласия Тукку, что томился в дреме,
Получил в подарок лодку.
Приближаясь к острову в удачную погоду,
Мучался в неясности решений.
Словно прорицатель древности Гелен³³,
Он не знал, что будет дальше.
Робкие мечты, как слезы Гелиады³⁴
На песок упали янтарем.

³²Камлея, непромокаемая промысловая одежда алеутов и эскимосов из кишок морского зверя с рукавами, глухим воротом и капюшоном.

³³Гелен, в греческой мифологии сын Приама и Гекубы, обладавший даром прорицания. Заранее знал о падении Трои и добровольно перешел на сторону греков.

³⁴Гелиады, в греческой мифологии дочери Гелиоса, сёстры Фазтона, которых боги превратили в тополя. Листья этих деревьев грустно шумят, оплакивая гибель Фазтона. Слезы Гелиад, упавшие в Эридан, стали янтарем.

У индейцев

Может быть, шумели грустно ветки.
Долго брёл Алёша по лесам.
В дебрях, где сплетают ноги травы
И журчит в ручьях хрустальная вода
Пепелище сразу не заметишь,
Даже если пристально искать.
Жизнь всегда залечивает раны,
Красотой скрывая бремя тяжких бед.
Восхищенный ласковой природой,
Он прижался к дереву спиной.

Где-то в кронах заливались птицы.
Песни звонкие и мелодичные
Вниз слетали голосистым гимном,
Точно ладовый незримый Глас³⁵.
Созерцал Алёша мир с улыбкой страстной.
Вместо птиц он видел добрых Альв³⁶.
Там в лучах небесного чертога

³⁵ Глас, в древнерусском церковном пении ладово-мелодический модус.

³⁶ Альвы, в скандинавской мифологии божества или стихийные духи; по «Младшей Эдде» («Видение Гюльви») делятся на сияющих альвов света, живущих в небесном чертоге, и черных альвов тьмы, живущих под землей.

Засияли их божественные лики.
Наш моряк не слышал хор верховный,
Он устал, глаза на миг закрыл.

В чаще леса на него смотрели,
Наблюдали за движениями.
Тетиву натягивали чьи-то руки,
Чтоб послать мгновенно стрелы.
С двух сторон слегка касаясь шеи,
Грозные древки воткнулись в дерево.
В шлёмах страшных с криком жутким
Выскочили вдруг индейцы.
Не успел матрос от сна очнуться,
Как попал в коварный плен.

За спиной скрутили руки властно.
Вниз направились по склону.
Лица выкрашены чёрной краской,
Возле глаз лишь белый контур.
Бросили несчастного на дно каноэ.
Плыли быстро, грянув вёслами.
Через час пристали к острову.
Под зловещий барабанный бой
На поляне в ритуальных плясках
Тени вились над землёй.

Так индейцы провожали солнце
И встречали птицу грома,
Повелительницу молний.
Войны встали возле бога
С волосами из медвежьей шерсти,
С крыльями из птичьих перьев.
Бог всегда приносит им удачу.
Как сегодня совершив набег,
Захватили в плен чужого человека,
Чтобы снять в награду скальп.

Пусть укажет вождь, что делать с ним.
Моряка, ударив в спину, повели на суд.
За широкий ствол сосны
Привязали крепким жгутом,
И воинственно крича,
Каждый воин метил томагавком
В дерево, вонзая у виска.
Ждали, что умрёт от страха,
Задрожит в коленях жалкий раб.
Выстоял Алёша, как скала.

Хмурый вождь отставил казнь,
Приказал не трогать чужака,
И сказал своим собратьям:
“Раб не унанган³⁷.
Он пришелец из другого мира.
Дайте знак небесному жрецу,
Чтоб пришли за ним”.
Подожгли индейцы сучья и траву.
По цепочке, возгораясь по горам,
Уходили вдаль костры.

³⁷Унанган, алеут.

Утром засверкала от лучей роса.
Серебристые следы от босых ног
Отпечатались, дымились на тропе.
Здесь прошли индейцы с гор высоких,
Поднимаясь к облакам.
Там томится дух истории глубокой
И живут последние ацтеки
В каменных дворцах.
Из далекой Мексики, спасаясь от испанцев,
Шли сюда когда-то по лесам Аляски.

Верили они, что свет им принесут орлы,
Выше к небу расцветает жизнь.

Чаша с головами гордых птиц
Стала символом их пламенной души...
Били грозно барабаны деревянные
С вырезанным рогатым филином,
Оглашая вестью храм жреца,
Что готова жертва богу Солнца,
Чтобы вырвать её сердце теплое
И пролить на землю кровь.

Вдруг, скрипя, открылись медленно ворота.
Злой палач, лицо скрывая маской ворона,
Шёл уверенно вперёд.
Он в руке держал широкий нож.
Не спеша, за ним шла женщина с подносом,
Чтобы сердце богу подарить.
А Алёша с интересом всё вокруг рассматривал,
И не представляя даже, что ему грозит.
Жрец поднялся на ступени храма,
Обращаясь к пленнику, спросил:

“Ты, испанец, корабельной крысой,
На погибель к нам приплыл?”
Промолчал Алёша, не вникая в смысл.
“Кто ты чужестранец?” – по-английски
Жрец вопрос свой повторил.
“Я – шотландец с алеутских гор
Возвращаюсь с общего согласия домой”.
“Как ты доберёшься без крылатой лодки
Через море в сильный шторм,
Здесь каноэ не поможет?”

“Я построю шлюпку с мачтой,
Крылья мне заменят паруса.

Ветер силой в них вольётся,
По волнам поскачет лодка,
Приближая милый край”.
Улыбнулся жрец, тоску по Родине
Сам прекрасно представлял.
Предки вместе с племенами майи
Жили в действенных тропических лесах
В удивительных красивых городах.

А теперь в земле суровой
Жить ацтекам тяжело.
Жрец припал пред богом Солнца,
Чтоб спасти народ от ненасытных сов.
С богом тьмы повсюду расставляет сети
Смерть в лице воинственных индейцев,
Что живут на разных островах,
Убивая соплеменников из мести
С первобытной дикостью в глазах,
Не жалея друга и врага.

Жрец с наказом обратился к воинам:
“Продолжайте поиск.
Бледнолицего прощает Солнце.
Освещая светом волосы,
Тень бросает с мягкими углами,
Будто гладит землю перьями орла.
Чужестранец может жить свободным,
И ходить по всем дворцам”.
Воины склонили головы,
Подчиняясь божьей воле.

Жрец направился к святым покоем,
Приглашая моряка с собой.
В тронный зал вошёл и стукнул жезлом.
Приоткрылась с тихим звоном дверь.
На высоких окнах медные решетки,
С неба синего лучился свет,
Освещая розовые каменные стены

И тотемный деревянный столб
Из загадочных мистических созданий,
Что хранили много разных тайн.

Посредине зала трон блистал зелёно-синий
Из камней морской воды – аквамарина³⁸.

³⁸Аквамарин – минерал, прозрачная синевато-зелёная или голубая разновидность берилла; драгоценный камень.

В нём сидела гордая царица,
Словно львица Аталанта³⁹.
Волосы её из белых вьющихся азалий
Распускались ниже нежных плеч.
А глаза блистали, как агаты
Из кристально чистых голубых огней.
Кожа щёк, что лепестки от розы,
Только взгляд, как лёд холодный,

Сердце грустью обжигал.
И Алеша, затаив дыхание,
Под гипнозом глаз зардел румянцем.
Мучило его сознание,
Что черты лица знакомы,
Где он видел их, не мог припомнить.
А царица, на него взглянув надменно,
Фразу жёсткую произнесла:
“Дорогой небесный жрец,
Пленник не держал в руках тесла⁴⁰.

Он, как кролик, петли метит гарусом⁴¹.
Это не матрос – торговец краденых товаров
И обманщик, горсть стеклянных бус
Бросит за меха несчастным алеутам.
Объявился, точно гость незванный,

³⁹Аталанта – в греческой мифологии аркадская охотница, участница похода аргонавтов. Во время Калидонской охоты первая ранила вепря, а от влюбленного в неё Мелеагра, добившего зверя, получила голову и шкуру животного. Соглашалась выйти замуж только за героя, который обгонит её в беге, не догнавшего её убивала копьем. Аталанта была превращена разгневанной на неё Афродитой в львицу.

⁴⁰Тесло – плотничный инструмент; в отличие от топора у тесла лезвие перпендикулярно к топорищу. Применяют для выдалбливания лодок и т.д.

⁴¹Гарус – род мягкой кручёной шерстяной пряжи.

Ради золотых богатств и славы.
Завтра будет испытание смелостью.
Коли не умрет от страха смерти,
Значит, будет жить пока я захочу.
Будет так, как я сказала”.

Поклонился жрец царице.
Вышел вон. Алёшу бросили в темницу.
С мокрых стен стекали ручейки
С тихим стуком на холодный пол,
И текли куда-то вниз в крутую пропасть,
Падая, как слёзы жалобные.
Из окошка маленького
Свет мерцал горением свечи.
С мраком солнце вскользь сражалось,
Чтоб надежда искоркой жила.

На рассвете стража вывела его из крепости.
Где сходились вместе две горы,

Водопад гремел, сливаясь сверху,
Бешеным потоком низвергался вниз.
Свитые в верёвку водоросли бились,
Тёрлись об стволы деревьев,

Что держали разные концы.
Над канатом мост вознёсся к небу,
А на нём царица хмурая стояла.
Дождалась, когда усядется толпа зевак,

Обращаясь к пленнику, сказала:
“Покажи нам храброго араму⁴².
За канат, держась руками
Перейдёшь к другой горе.
Коли свалишься в затейливой игре,
Значит ты – слабее женщины”.
Встал Алёша на уступ обрыва.
Далеко внизу бурлила пена,
Разбивались брызги
В каменистой бездне.

Успокоился Алёша, собирая силы,
Посмотрел вверх с отчаяньем.
А над ним орлы кружились.
Он заметил на скале гнездо с птенцами.
В зубы взял протянутый индейцем нож,
Чтоб себя убить, когда устанет,
Падать в пропасть телом мертвым,
Чтоб не мучиться от страшной боли.
Не теряя всё же веру,
Прыгнул взмахом, как в подвал таверны.

Он хватался цепко пальцами
За канат промокший.
А вода его сбивала,
Обливала с головы до ног
И дышать мешала.
Было пройдено, наверно, полпути,
Вдруг услышал он орлиный крик.

⁴²Арама (пастушковый журавль) – единственный вид одноименного семейства отряда журавлеобразных. Длина до 65 см. Летает тяжело, хорошо бегают.

Из гнезда птенец свалился,
Но не воду, к счастью,
А в расщелину одну нависших скал.

Заметались птицы, подлететь не могут.
Взмахивая крыльями, стучат о камни,
Разбивая себя в кровь.
Хмурые индейцы с ужасом взирали,
Как на их глазах, страдая,
Умирают в муках боги.
А Алёша перерезал вдруг канат,
Бросил нож и скрылся в водопаде.
Быстрая вода смягчила роковой удар,
Руки не разжались.

Лица всех от скуки вытянулись.
Бледнолицый принял смерть, не выдержав
Испытаний силы.
Даже скальп его противный
Не найдёшь теперь.
Вдруг они увидели,
Как Алеша поднимается упорно вверх,
К той скале, где еле держится птенец.

Перестали думать и дышать,
От него не отводили взгляд.

А моряк уже поднялся на уступ.
За канат, держась, направился к птенцу.
Хищники его не били клювом.
Взял в ладони мокрого дрожащего слетка,
Протянул его ликующим родителям.
И орлы поднялись вместе с ним
На гнездо, крича от пылкой радости.
Эту песню благодарных птиц
Никогда не слышали индейцы.
Побежали по мосту к нему навстречу.

“Бледнолицый, добрый брат!
Ловкий, словно ящерица,
Ты скользил по камням гладким,
Чтоб спасти детеныша орла.
Зоркий глаз заметил,
Где упал посланник неба.
Руки вились, как лианы,
По отвесному канату”.
А царица, улыбаясь, ближе подошла:
“Пленник ночью будет спать

Не в темнице, где гнилая сырость,
А на сене трав душистых
В храме с нашими богами,
Чтоб сразиться с богом тьмы.
Смелый леопард доволен нами?!”
И в глазах её блеснули искры,
Отражая свет туманной Андромеды⁴³.

⁴³ Андромеда – в греческой мифологии дочь царя Эфиопии, отданная им в жертву морскому чудовищу, опустошавшему страну, и спасенная Персеем. Согласно мифу, после смерти превратилась в созвездие (отсюда название созвездия).

Молча расступились перед ней индейцы.
Вновь ушла царица во дворец,
Как комета с леденистым сердцем.

В храме постелили травы,
С запахом медовым таволгу.
Положили рядом палку,
Для чего ни слова не сказали.
А когда зажглись на небе звёзды,
Потянул прохладный воздух,
Разошлись индейцы спать в свои вигвамы.
Жрец ушёл последним, огляделся зорко.
А Алёша на спине лежал.
Он мечтал о море.

Увлекла волна в широкие просторы.
Там в Шотландии тоскует мать родная,
Как берёзка тонкая в лучах вечорки.
Он среди свирепых Гарм⁴⁴ закованный цепями.

⁴⁴Гарм – в скандинавской мифологии пёс, одно из чудовищ, с которым будут сражаться асы перед концом мира.

Подскажите: как сражаться с диким злом,
Разве только голыми руками?
Вдруг в окно влетела серая сова,
Засверкала жёлтыми огромными зрачками,
Села где-то наверху,
Ухая пугающими звуками.

Невидимой тенью тихо и безгласно
По углам ушаны проносились низко.
Воздух колыхался от парящих крыльев.
Вдруг раздался странный писк.
Из щелей полезли крысы
Кровожадной серой массой.
Топот лап нарушил тишину.
Гулко вздрагивал незримый пол.
Моряку они ползли на грудь,
Ноги схватывая больно.

Крыс проклятых ненавидит
Каждый, кто когда-то был на палубе.
Бил Алёша палкой,
Точно мстил им за свои обиды,

За разлуку с прежним миром.
Гнусных крыс удары не смутили,
Их, наверно, тысяча не меньше
Выползала из щелей и стен.
Зубы их вонзались в тело, словно иглы,
Чуя кровь на ранах рваных.

Сколько померещилось Ехидны⁴⁵,
В темноте густеющей не видел.
Разъяренный он сражался,
Отбивался от визжащих полчищ.
Потеряв до хрипа голос,
Он упал без сил на поле боя.
И уснул тяжёлым мутным сном,
Словно отравился дьявольским вином.
Не услышал, как другая стая
Чёрных крыс к нему бежала.

Покатилась брошенная палка.
Грызуны её слизали с жадностью,
Стали пожирать беспомощных и павших,
Что лежали в кучах рядом.
Хруст костей звучал до самого утра,
А с рассветом твари все пропали.
Серая неясность улетела в лес.

⁴⁵Ехидна – в греческой мифологии чудовище — полудева-полузмея, породившая от Тифона Сфинкс, Цербера, Химеру и др. В переносном смысле коварное существо.

Солнца луч пробился в щель дверей.
Жрец открыл ворота храма,
Приготовив погребенье пленнику.

Опустили жертву на каланьи кожи,
Чтобы тело не тревожить.
Девушки ему протерли раны травами.
Бледнолицый запыхал от жара,
На глазах тихонько умирал.
От озноба весь дрожал.
И бреду кого-то звал, наверно, близких.
Подошла царица, сокрушаясь,
Что герою отпевают тризну,⁴⁶
Замерла, услышав слово “мама”,

Встала на колени,
Тронула рукой горячий лоб.
Приказала, чтоб внесли к ней во дворец
Моряка, который победил ночную смерть.

⁴⁶Тризна – часть погребального обряда у древних славян до и после похорон (поминки). Сопровождалась песнями, плясками, военными играми, жертвоприношениями, пирами.

И Алёшу положили на широком ложе
На гагачий мягкий пух.
Вызвала Елена знахарей из всех племён,
Чтобы жизнь вернули её другу,
Что лежал без памяти и чувств,
Точно клён, сраженный бурей.

Медленно тянулись дни.
Молодость залечивает раны.
С края пропасти вернёт сердца угасшие,
Возвращая жизнь порывом страстным.
Стал Алёша выздоравливать
Не по дням, а по желанью трепетной мечты.
А царица расцвела от счастья,
Что теперь он может говорить,
И она его расспрашивала,
Где родился, кто отец и мать?

Пленник, изъясняясь по-английски,
Камнем выглядел лидийским⁴⁷.
И она заговорила с ним по-русски.
Голову поднял Алёша, напрягая мускулы:
“Ты – царица племени ацтеков,
Увлекаешься мечтательной элегией!
Говоришь со мной, как в детстве моя мама.
Ты жила в земле Российской,
Или ты запомнила на память,
Те слова, что повторял во сне?”

“Нет, конечно, всё иначе было.
Я ребёнком их произносила.
Мой отец купец уральский

⁴⁷Лидийский камень – черный брусок из тонкозернистого кремнистого сланца, на котором по цвету черты испытуемого благородного металла определяют его пробу.

После Беринга⁴⁸ и Чирикова⁴⁹,
Что открыли земли неизвестные в морях,
В плаванье отправился.
Их корабль в щепки шторм разбил.
Лишь его на берег выбросило.
Он бы умер обессиленный,
Не найди его случайно индианка.

Моя мать Луана.

⁴⁸Беринг Витус Ионассен (Иван Иванович) (1681-1741), мореплаватель, капитан-командор российского флота (1730). По происхождению датчанин. В 1725-30 и 1732-41 руководитель 1-й и 2-й Камчатскими экспедициями. Прошел между Чукотским п-овом и Аляской (Берингов пролив), достиг Сев. Америки и открыл ряд островов Алеутской гряды. Умер во время зимовки на острове, ныне носящем его имя. Именем Беринга названо также море и пролив на севере Тихого океана.

⁴⁹Чириков Алексей Ильич (1703-48), русский мореплаватель, капитан-командор (1746). В 1725-30 и 1733-41 помощник В. Беринга в 1-й и 2-й Камчатских экспедициях. В 1741 на «Св. Павле» открыл часть северо-западного побережья Сев. Америки, открыл ряд островов в Алеутской гряде.

Спрятав чужеземца от индейцев,
 Но страшась, что боги в гневе
 Разума лишат за это,
 Приносила ему пищу и скрывалась.
 Убегала сразу в лес,

Как журавль маленький,
 Что летать не может между веток.
 Мой отец над ней смеялся
 И она смелее стала.

Ведь она всем сердцем верила,
 Что, однажды, растекаясь клином,
 Волны вынесли на берег
 Из таинственных глубин
 Рыбу с ликом человеческим
 В белой коже чешуе.
 На земле она погибнуть может,
 Если не давать ей воду.
 И она с кувшина воду лила на одежду,
 Чтобы как-то оживить её.

А когда отец пришёл в себя,
 Попытался с ней заговорить,
 То она от страха убежала.
 Думая, что это дух из огненной земли,
 С тех вулканов, что пылали ярко.
 Зря она водой гасила пламя,
 Он за это на неё сердит.
 И она решила дать ему очаг.
 Ночью, крадучись, похитила с каноэ факел,
 Побежала с ним, как кракса⁵⁰ от древка.

Верила что, взяв огонь,
 Он зажётся вновь вулканом,
 Превратится в великана,
 И уйдёт на горный склон.
 А пришелец жарил мясо,
 Ей протягивал кусочек ласково,

⁵⁰Краксы – семейство птиц отряда куриных. Длина до 95 см (хохлатый гокко). 44 вида, в лесах Центр. и Юж. Америки.

Говорил певуче, как Гораций,
Успокаивая интонацией.
На песке чертил фигурки в танце,
Объясняя вещи странные.

Вся дрожа, она ушла подальше.
Побоялась что, сходя на землю с рук,
Оживут рисунки
И её растопчут вдруг
Люди с виду маленькие.
Мой отец срывал цветы и ей показывал,
Лепестки к земле прикладывал,
Контур обводил старательно.
Говорил ей медленно: "цветок",
А она за ним шептала вслед: "ви-ок".

От терпенья жди плодов.
Мать моя немного научилась
Понимать отца по жестам и картинкам,
Вслушиваясь в звуки непонятных слов.
С удивлением, узнав о жизни новой,
Что осталась на огромной лодке.
Человек другого племени и родины
Может умереть от стрел индейцев.
Он – не бог, пришёл – не с неба.
На цепочке крест серебряный

И кулон с рисунком женщины,
С волосами белыми,
Словно их присыпал снег.
Падая, не тая, на лицо красивое.
Раз Луана у отца спросила:
"Кто она? Богиня зимних дней?"
"Это мать моя", – ответил с грустью.
А она, умолкнув на минуту,
Убежала в деревеньку
Сквозь завесу камышей.

Долго не было Луаны.
Звёзды загорались зимние,
Уж ночами появлялся иней.
Мой отец в пещере засыпал
Без огня, томился от волненья.
Вдруг мелькнула перед входом тень,
То Луана забежала ланью,
От испуга и отчаянья
Вся в слезах поведала несчастье.
Замуж отдавали наспех

За Текура племени тлинкитов.
Предрекая наказание поступка,
Обвязали срубленные сосны.
На плоту уплыли с острова.
Мать моя – покорная голубка –
В русского купца влюбилась
За его глаза, как небо синие,
И за сердце доброе отзывчивое.
Незаметно от погони скрылись,
Чтоб уйти от роковой судьбы.

Помню, в детстве бегала по лесу
По полянам беззаботным мотыльком.
Возвращалась в наш красивый дом
С расписными ставнями на окнах,
Где всегда весёлый смех звучал.
Мать лелеяла и миловала,
Целовала в щёки и шептала:
“Что моя дочурочка Елена
В волосы вплетает ленты,
А лицом на бабушку похожа стала”.

Но недолгим было счастье.

Выследил Текур, где жили мы.
Он привёл индейцев мстительных,
Запалил вигвам от жарких стрел.
Батюшка мне протянул кулон и крестик.
Зарыдала мать ужасно:
“Бог тебе поможет, дочка ласковая.
Есть в подполье небольшая щель,
Ты попробуй там пролезть,
Уползи поближе к лесу”.

Кошкой вылезла из узкого окошка,
Оглянулась на горящий дом.
Мать, отец, прижавшись крепко,
Улыбнулись мне в ответ,
И взмахнули чуть рукой,
Чтоб индейцы не заметили.
Спрятавшись, стояла за деревьями,
Плакала от горя капельками слёз.
В сердце мое детское с горячим пеплом
Мечь влетела клювом коршуна.

Вздрагивая от страданий,
Шла по лесу наугад.
Сил лишившись от кручины лютой

Неожиданно споткнувшись,
Полетела в яму,
Потеряв сознание и рассудок
От усталости и мук.
Только утром через день, а может через два,
Потихоньку возвращалась память
С чувством голода на высохших губах.

Мне почудилось, что кто-то щёку лижет,
Тычется, повизгивая.
Приоткрыть глаза я не могла,
Слабая была, кружилась голова.
Я услышала сердитый рёв.
По краям осыпалась земля,
Спрыгнул кто-то вниз тяжёлый,
Рядом лёг, согрев меня своим теплом.
А другой поменьше грудь сосал
И меня касался лапой.

Досыта наевшись, мокрым носом
Он лизал моё лицо,
Вытирая слёзы с глаз моих.
Может быть, участие звериной ласки
Возвратили понемногу жизнь

И прибавили мне силы.
Может быть, пригревшись,
Я очнулась от мучительного сна,
Заглушая в сердце боль,
Стала потихоньку оживать.

Кто же был защитником моим
В эти грустные печальные минуты?
Дабы легче пережить разлуку,
Домом стал зелёный лес, постелью – мох.
Матерью – медведица седая,
Шаловливым братом – её сын.
С ним я бегала, играла, веселилась,
Взвизгивая от восторга и любви.
Пила жирное медвежье молоко
И людей тихонько забывала.

С медвежонком некогда скучать,
Он потешным был и интересным.
Часто прятался в кустах,
Объедая ягоды малины,

И ещё урчал забавный сладкоежка,
Если рядом с ним вставала я,
Чтоб не трогала дары лесные.
Я кормила с рук его сама,
Насыпала в пасть пригоршню ягод ароматных.
Он их с удовольствием съедал.

После трапезы я на него садилась,
Опуская руки в шерсть,
Превращаясь в сфинкса.
Он любил меня катать часами.
А медведица нас охраняла
От непрошенных гостей.
Но, однажды, нас заметили разведчики
Из воинственного племени.
Испугавшись нас, индейцы убежали.
Всем поведав, что в лесу родилась смерть.

С волосами белоснежными,
Словно снег закружит меж деревьев,
Чтобы красть индейцев, их детей.
Если кто с ней встретится,
Умирает сразу, как её увидит.
Люди, испугавшись, стали приносить дары,
Дабы не была жестокой и не мстила
Беззащитным семьям
Женщина, сидящая на голове медведя,
Не терзала ночью их.

К почестям я стала привыкать.
Как принцесса из лесного царства,
Я бродила безмятежно по горам
От рассвета до заката.
Я любила собирать цветы в букеты
На зелёных солнечных лужайках.
Раз в траве наткнулась на людей,
Что лежали и, возможно, спали.
Лица восковыми были,

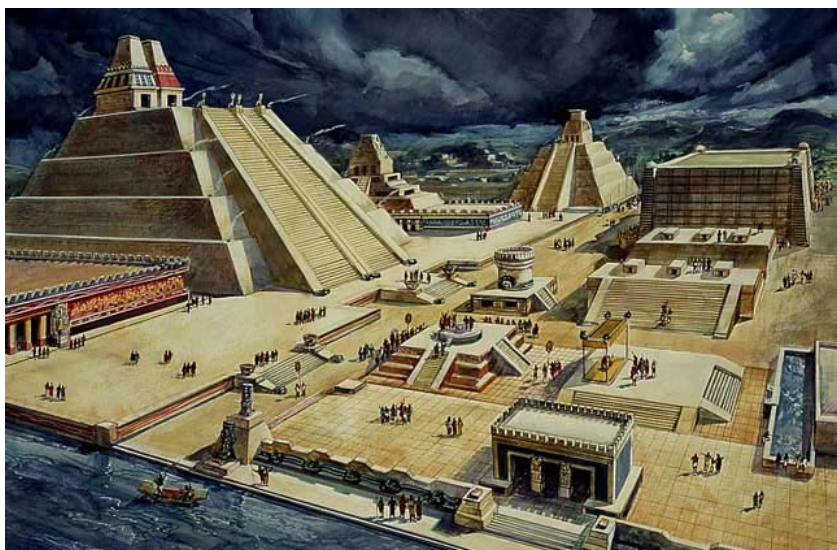
Словно вымазанные белой глиной.

Я рукой коснулась их волос,
Связанных у лба пучком.
Обратив внимание, как вздрагивают веки,
Вглядываясь сквозь ресницы на меня,
На кулон, что свешивался с шеи.
Чтобы спящим не мешать,
Я ушла к реке, где весело плескался
Мой молочный брат,
Верный друг единственный,
И свидетель грёз моих невинных.

Мстительный Текур, не подчиняясь воле
Племени тлинкитов, вновь задумал зло.
Он решил убить меня из зависти.
Ловкой рысью крался из засады
По моим следам
И уже натягивал стрелу тугую,
Чтоб её пустить из лука,
Только раньше в голову его вонзился томагавк,
Расколол её, как скорлупу ореха,
Отомстил за гибель, за печаль и гнев.

Как безумная молчала я,
Бездыханный враг лежал у ног.
Воины из племени ацтеков встали рядом.
Жрец мне поклонился и сказал:
“Возвращайся вновь к народу,
Дочь великого Теночтитлана⁵¹”.

⁵¹Теночтитлан – город (14-16 вв.), столица государства ацтеков
(на месте современного Мехико).

Без тебя нет счастья на земле.
Пусть с тобой идут медведи гордые,
Что хранили твой покой и сон.
Стань царицей нашей по желанью предков.

Я пошла за ними и за мной мой брат.
Старая медведица ушла, как будто знала,
Что беда не угрожает мне.
Мать отца, её священный лик с портрета,
Помогала мне теперь,
Превращаясь в божество индейцев,
Талисманом моих мыслей и летящих дней.
Время шло, я – гордая царица
Вновь вернулась, чтоб восстать из праха,
Справедливой звёздной богиней.

Чтила древние законы, изучала книги.
Я хотела, чтоб исчезли горе и обиды,

Все болезни племени ацтеков.
Чтоб они забыли ссоры прежние,
Жили в мире и в согласье вместе
И не проливали кровь напрасно.
Я жила среди таинственных вещей
Во дворце, что охраняла стража.
А медведь скучал от взглядов и насмешек,
Что не человек он, а бесправный зверь.

Я ему внимания уделяла меньше.
Каждый день решала много разных дел.
Он безропотный страдал без ласки,
Уходил надолго в лес один.
Я гуляла с ним не часто.
На несчастье в океане появилась

Каравелла с чёрным флагом.
Возле берега на рейде встала,
И на шлюпках к нам прислал команду
Одноглазый капитан.

Племена индейцев окружили берег,
Вмиг смутили замыслы пиратов.

Не посмели разрядить мушкеты,
А пристали к нам с богатыми дарами.
Женщинам давали бузы из стекла,
А мужчинам “огненную воду”.
Говорили нам, чтоб принесли меха,
Что в награду мы получим ружья кремневые,
Порох, дробь и топоры железные,
И ещё картины из далеких стран.

Радовались простодушные индейцы.
На каноэ погрузили шкуры котиков
И поплыли к кораблю,
Что дремал, как кит, на волнах гулких.
В царской лодке находилась я,
А со мной приятель мой медведь,
Что случайно оказался недалёко.
Я его с собой взяла,
Чтоб грусть его не мучила,
Что плыву по морю без него.

А пираты, осмотрев меха на палубе,
Что, как горы, поднимались к небу,
Вдруг подняли якорь из воды,
Стали бить индейцев из орудий.
Нас же пленников связать хотели.

Вскинулся мой брат, когда увидел,
Что меня сватают руки жадные.
Он ударом лап тяжёлых
Разметал толпу коварных моряков,
Побросал за борт на зубы пляшущим акулам.

От врагов ему досталось тоже.
Весь израненный ножами
И от пуль, он кровью истекал.
А когда его доставили на остров,
Он под деревом лежал и не дышал.
Ягоды ему в награду приносила.
В пасть поила ключевой водой.
Утром ранним он ушёл неслышно,
Умирать в лесу в траве зелёной,
Там, где мать его, медведица, бродила.

Много дней прошло с тех пор,
Не могла забыть лесного брата.
Шла тропинкой между двух озёр,
Там, где плавают в воде цветы кувшинки,

Наклонилась, чтобы их сорвать.
Под обрывом тень метнулась быстрая,

Закачались с силой камыши.
Я невольно вскрикнула от страха,
А индейцы из охраны
Копья бросили вдогонку.

Заревел израненный медведь,
Это брат был мой любимый.
Он лежал в траве,
Лапой вырывая из груди
Острые обломки копей.
Бросилась к нему, рыдая.
Помогли индейцы мне
Побыстрей освободить от боли,
Волей случая попавшего под их обстрел,
Бедного несчастного страдальца.

Гладила его и к шерсти прижималась,
Целовала и шептала:
“Милый друг, прости!
Я не виновата, что, вдруг вздрогнув, закричала,
Не хотела новых ран твоих”.

А медведь лежал, глаза его слезились.
Он, наверно, понимал,
Что придётся нам расстаться.
Он не может следовать людским привычкам.
Очень сложен, непонятен мир.

Встал молочный брат, шатаясь, пряча раны,
И ушёл от нас, как не звала его,
Не вернулся он, прошли уж годы,
Нет вестей из прошлого давно.
Может быть, я стала злой и чёрствой,
Что меня покинули друзья.
Все мечты мои и прежние надежды
Замолчали, как трубящие агами⁵²,
Что не могут жить в неволе
Каменного сердца.

Я жестокая желала твоей смерти.
Ты казался мне отъявленным злодеем,
Как пираты, что сгорели в яростном огне.
Я хотела, чтобы ты погиб быстрее.
Утонул в воде, затем бросала к крысам,
Чтоб хрустел от их зубов, как брошенная ветка.
Ты меня своим бесстрашием сразил.
Я невольно стала восхищаться.
Благородные порывы сердца не потравишь
Невидимым ядом аконита⁵³.

А когда услышала слова забытые.
Память всколыхнула страшные события.
Вспомнила отца и мать.

⁵² Агами – семейство птиц отряда журавлеобразных. Длина тела 43-53 см. 3 вида, в тропических лесах Юж. Америки. Хорошо бегают, летают тяжело и неохотно, издают глубокие и мелодичные трубные крики.

⁵³ Аконит – род многолетних трав семейства лютиковых. Ок. 300 видов, в умеренном поясе Северного полушария. Ядовиты.

Заметалась я от горя и страданий,
 Как могла стремиться быть актинией⁵⁴,
 Чтобы в щупальцах моих погибли
 С детства выстраданные чувства, мысли?!
 Вдруг в ушах почудились мне голоса:
 “Дочь, будь милосердной к чужестранцу,
 Это ангел и твоя судьба!”

Ты теперь, наверно, знаешь всё.
 Я тебе излила жар пылающий внутри.
 Столько слёз не выли ночами волк,
 Умиравший в снегу без пищи.
 Так и я, как выдра загнанная,
 Не могла простить обид былых,
 Мстила всем за горе в своей жизни”.
 От волнения Алеша задрожал,

⁵⁴Актинии (морские анемоны) – отряд морских кишечнополостных класса коралловых полипов. Ок. 1500 видов. Размеры от нескольких миллиметров до 1,5 м. Одиночные полипы, лишённые скелета; щупальца со стрекательными клетками.

В откровеньях гордой Аэдоны⁵⁵
 Он услышал плач её души.

Разве мог Алеша рассердиться,
 Что его задумали убить.
 Как моряк, что не уходит долго в море,
 Он мечтал о грозной силе волн,
 Чтоб сразиться с налетевшим ветром,
 Закрепить на реях паруса,
 Плыть без страха в неизвестность,
 В каждый миг опасность ожидая,
 А иначе и нельзя,
 Жизнь – всегда счастливая случайность.

Жрец вошёл, царице поклонился,
 И сказал: “Божественная и мудрейшая,
 Разрешите спор женщины с мужчиной,
 Ждут они оценки своих действий.
 “Пусть войдут” – ответила Елена.
 В тронный зал зашли индейцы: муж с женой.
 Головы склонили ниц, коснувшись пола.
 “Говори, мужчина, первым!”
 “Ясновидящая племени ацтеков, –
 Выслушай меня без ложных суеверий.

Сына младшего, что ночью мирно спал,
 Эта женщина, Волчица Чёрная, украла,
 Спрятала в надёжном месте,

⁵⁵Аэдона (греч. соловей) – в греческой мифологии дочь Пандарея, жена Зета, брата Амфиона. Завидуя Ниобе, гордившейся прекрасными детьми, решила умертвить одного из ее сыновей, однако ночью по ошибке заколола своего сына Итила. Зевс превратил Аэдону в соловья, чтобы она непрерывно оплакивала убитого собственными руками ребенка.

Чтобы не забрали в жертву в храм,
И не отдали богу Солнца на рассвете.
Не могу его найти, как не старался.
Наложите на неё проклятье,
Коль обманом хочет жизнь его спасти.
Презирая древние и признанные убеждения,
В интересах материнской выгоды”.

“Что ты скажешь, женщина, в ответ,
Эти обвинения справедливы?”
“Пусть сначала Заячья Пятка сына выкрадет
У лесной волчицы, что живёт в норе,
Молоком кормящей маленьких волчат слепых.
Если сможет он забрать хоть одного щенка,
Я верну младенца без враждебности.
Если нет, я выгрызу ему зубами шею,
И меня тогда ничем не оторвать
От его пульсирующего в судорогах тела”.

“Отчего ты, женщина, капризна?
Разве ты не родишь детей?
Забираем у тебя не воина, а листик ежевики,
Чтобы Бог на небе восхищался нами.
Ради блага, счастья на земле
Мы приносим жертву не напрасно”.
“Пусть я вместо сына жертвой стану!” –
Индианка пала на колени,
Умоляя гневную царицу о пощаде,
А Елена хмурилась сильнее.

Не стерпел страстей Алёша,
Попросил, чтоб дали ему слово.
Выступил вперёд и высказался сам:
“Будь, царица, милосердной, доброй,
Не лишай желанной материнской ласки
Скромного невинного птенца,
Что ещё не оперился в крылья,
Не умеет в небесах летать.

Может быть, он станет в будущем великим,
Защитит от бедствий ваш народ.

Пусть меня возьмёт к себе ваш бог.
Я готов подставить свои плечи,
Дабы тяжесть мук душевных и мятежных
Растворить со временем в себе.
Я для вас чужой на этом свете,
И меня оплакивает мать в стране далёкой.
Не вернуться мне назад.
Я умру с одной надеждой,
Что полезен был для вас,
Как приправа для еды лилейник”.

“Хорошо, – ответила царица с грустью, –
Будет так, как ты решил.
Выбрал сам ты жертвенные муки
И никто тебя не принуждал.
Гордый и красивый,
Ты достоин, встать на теокалли⁵⁶.

⁵⁶Теокалли – возвышенная площадка в виде пирамиды, на которой производились жертвоприношения.

Будет праздник в нашем царстве.
Пусть украсят статуи богов гирляндами.
Завтра нож обсидиановый
Мудрый змий в тебя вонзит.

Встанешь ты у входа в храм
Невидимого и высшего творца.
Там, где солнце, угасая к вечеру,
Освещает лестницу,
Чтобы путь твой указать на небо.
Лишь лучи его коснутся ног твоих,
Ты под радостные крики
Нашего народа кровью задымишься,
Чтоб приблизить рай для воинов храбрых,
А врагам посулишь ад кромешный тьмы.

В месяц приношения цветов⁵⁷
При торжественной процессии
Женщин и мужчин
На миткаль⁵⁸ твоё положат тело,
И душа божественного Мира
В этот день останется довольной.
За роскошным пиршеством
Не спеша с достоинством

⁵⁷Июль – в календаре ацтеков было в году восемнадцать месяцев.

⁵⁸Миткаль – суровая тонкая хлопчатобумажная ткань.

Воины сглодают твои кости,
Чтобы стать отважней и смелей”.

Стража отвела его на запад,
Там, где лестница крутая
Поднималась вверх.
В этом месте посвящения адепту
Только жрец мог божий знак принять.
Там Таотль, властелин Вселенной,
Для народа освящал алтарь.
Мексиканский Марс был очень страшным,
Крови пленных не жалел,
Иностранцев не терпел.

Он боролся с богом Солнца
И тянул его к земле цепями,
Чтоб лучи его скользили косо,
По ступенькам лестницы ползли.
Алый свет стремился к выси,

Облака на небе зажигал,
Оставляя храм в тени холодной,
То славянская богиня,
Добрая Вечорка⁵⁹
Встала на защиту моряка.

Заметался жрец, не понимая смутного виденья,
Разве мог он знать, что мать спасала сына
От гибели в чужой земле.
С дикостью неукротимой
На свободу вырывался ветер.
В море, где пылал рубиновый закат,
Вдруг неожиданно появилась радуга,
А под ней блистая парусами красными,
Принимая солнце на себя,
К ним летел по волнам бриг.

⁵⁹ Вечорка – в восточнославянской мифологии богиня вечерней зари.